УДК 94(73)«1789/1815»

С. А. Исаев

Рецензия на: *Wood G. S.* Empire of Liberty. A history of the Early Republic, 1789–1815. Oxford: University Press, 2009. 778 p. (*Вуд Г. С.* Империя свободы. США: История ранней республики, 1789–1815. Оксфорд, 2009. 778 с.)

«Ранней республикой» в США принято именовать тот период истории страны, который открывается вступлением Джорджа Вашингтона в должность президента США в марте 1789 г. и завершается победой генерала Эндрю Джексона над англичанами под Новым Орлеаном в англо-американской войне в январе 1815 г.

«Ранняя республика» была действительно очень своеобразным периодом истории США. Население страны за эти годы выросло с 4 до 10 млн. И было это до индустриализации, урбанизации, строительства железных дорог и вообще сколько-нибудь серьезных технологических новшеств, которые на Западе обычно связываются с социальными изменениями и приводят к росту рождаемости. Вуд предполагает даже, что именно в эти годы американский национальный характер обрел качества, чрезвычайно важные для всей последующей истории: «В десятилетия, последовавшие за революцией, Америка менялась так сильно и так быстро, что американцы не только привыкли к изменениям, но и стали ждать их и ценить» (с. 2). Исследователи этого периода американской истории образуют особую профессиональную корпорацию: в 1977 г. они объединились в «Общество историков ранней Республики» — Society for Historians of

the Early American Republic, сокращенное название SHEAR. С 1981 г. издается специализированный научный журнал — Journal of the Early Republic.

«Империя свободы» (the Empire of Liberty) — понятие, в котором соединились идеи политической свободы и непрерывного территориального расширения. Это сочетание было характерным для мировоззрения американцев не только времен «ранней республики», но и вообще «довоенных» США (до 1861 г.)

Автором этого понятия был, по-видимому, Томас Джефферсон. По мнению Г. Вуда, «Джефферсон был тем президентом, чье внимание было в наибольшей степени сосредоточено на экспансии по сравнению со всеми другими президентами за всю историю США» (с. 357).

В частности, в президентском послании Джефферсона Бенджамину Чемберсу, председателю исполнительного совета территории Индиана, от 28 декабря 1805 г. относительно присоединения Луизианы к США говорилось:

«Расширяя пределы империи свободы, мы умножаем ее [свободы] вспомогательные возможности (auxiliaries) и обеспечиваем ее новыми источниками возобновления на тот случай, если ее принципы когда-нибудь выродятся в тех частях нашей страны, которые дали им жизнь»[1].

Выражение «империя свободы» встречается и в других текстах Джефферсона. В письме, которое он как губернатор Виргинии направил Джорджу Роджерсу Кларку, командиру виргинских милиционных формирований, 25 декабря 1780 г., план захвата территорий нынешних штатов Огайо, Индиана и Иллинойс завершается пожеланием «прибавить к империи свободы еще одну обширную и плодородную страну»[2].

Вскоре после окончания срока президентства, 27 апреля 1809 г., Джефферсон направил своему преемнику Мэдисону письмо, где высказывал озабоченность попытками Наполеона прибрать к рукам владения Испании в Америке. При этом Джефферсон считал возможным соглашение с Наполеоном:

«Хотя и с трудом, он согласится на то, чтобы мы приняли Кубу в наш союз, дабы предотвратить нашу помощь Мексике и другим провинциям. Такую цену следует заплатить, и тогда я немедленно воздвиг бы на южной оконечности Кубы колонну и написал бы на ней: Ne plus ultra[3], имея в виду: нам в этом направлении. После этого нам следовало бы только включить в нашу конфедерацию[4] Север[5], что, конечно, произойдет в первую же войну[6], и тогда у нас была бы для свободы такая империя (such an empire for liberty), какой она еще

[1] Поскольку фундаментальная публикация бумаг Т. Джефферсона доведена пока только до 1803 г., цитирую этот документ по публикации в Интернете: http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/default.xqy?keys=FOEA-print-04-01-02-2910

[2] Papers of Thomas Jefferson / Julian P. Boyd (ed.). Princeton; N.J., 1951. Vol. IV. P. 237.

[3] Правильно: Nec plus ultra — «и не далее», «дальше нельзя» (лат.)

[4] Обычное для текстов Джефферсона обозначение США.

[5] То есть британские колонии, ныне составляющие Канаду.

[6] В ходе англо-американской войны 1812–1815 гг. американцы действительно вторглись в Канаду, но потерпели поражение.

не видела никогда, с сотворения мира; и я уверен, что еще ни в какой конституции всё не было так хорошо рассчитано, как в нашей, для обширной империи и самоуправления (for extensive empire and self government)»[7].

Автор рассматриваемой книги — Гордон Стюарт Вуд (Wood, Gordon Stewart), крупнейший специалист по истории ранней американской республики, при жизни признанный классиком американской исторической науки. Он родился 27 ноября 1933 г. в г. Конкорд, штат Массачусетс,— в том самом городе, близ которого в апреле 1775 г. произошло первое боевое столкновение Войны за независимость США. По окончании университета Тафта (Tufts University) Гордон Вуд служил в военно-воздушных силах США в Японии (1955–1958). Затем изучал проблемы ранней американской истории в Гарварде, где и получил степени магистра (1959) и доктора философии (1964). В 1964–1966 гг. работал в Институте ранней американской истории и культуры в Вильямсберге, штат Виргиния. Там профессор Бернард Бейлин привлек его к реализации одного из масштабных проектов, приуроченных к 200-й годовщине независимости США. Задача проекта состояла в том, чтобы собрать и переиздать с научным комментарием все памфлеты Американской революции и конституционные документы колоний, ставших штатами США. В процессе этой работы, сравнивая дебаты 1776 г. вокруг принимаемых штатами первых конституций и дебаты 1787 г. вокруг проекта Конституции США, Вуд увидел, что термины и категории политической мысли за эти годы радикально изменили свое значение. Проследив эти изменения и суммировав их, Вуд пришел к важному выводу: в 1787 г. американцы не просто выработали новое государственное устройство для своей страны: они пришли к совершенно новой концепции политики, радикально отличавшейся от классической западной концепции, идущей от Аристотеля и воплощенной в политической системе Великобритании. Процесс становления этой новой концепции политики Г. Вуд описал в книге «Создание Американской республики» (The Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969). Жанр книги сам он определил как «исследование американской политической культуры». В том же 1969 г. Вуд был приглашен преподавать в университет Брауна в Провиденсе, штат Род-Айленд, с которым связана вся его последующая жизнь. Книга уже в 1970 г. была удостоена в США двух престижных премий.

В 1992 г. увидела свет новая книга Г. Вуда — «Радикализм Американской революции» (The Radicalism of the American Revolution. N.Y.: A. A. Knopf, 1992), где автор, не подвергая ранее сделанные выводы пересмотру, исследовал социально-экономические аспекты происходившего в США в те годы и обнаружил ничуть не менее глубокие изменения. «Если мы измеряем радикализм революций степенью нищеты, развала экономики, количеством убитых людей или сожженных усадеб, тогда привычное подчеркивание консерватизма Американ-

[7] The Republic of Letters. The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison 1776–1826 / Ed. by James Morton Smith. N.Y.–L., 1995. Vol. III. P. 1586.

ской революции довольно справедливо. Но если мы измеряем радикализм размахом свершившихся социальных перемен, преобразованием тех отношений, которые связывают человека с человеком, то Американская революция вовсе не была консервативной. Напротив, она была столь же радикальной и революционной, как и любая известная в истории. Конечно, Американская революция сильно отличалась от других. Но разница заключалась не в том, что она была менее радикальной или менее социальной»[8]. На русский язык переведена статья Г. Вуда[9], которая содержит свод основных тезисов этой книги.

Концепции Г. Вуда важны и интересны настолько, что их не вправе игнорировать ни один историк политической мысли США 1780-х гг. Гордон Вуд нередко выступает как публицист консервативного толка, язвительно критикующий концепции мультикультурализма и другие проявления постмодерна. Он пользуется репутацией не только специалиста высокой квалификации, но и мудрого человека, умеющего пользоваться при анализе любых современных проблем уроками, извлекаемыми из наблюдений над давними событиями.

«Империя свободы» отличается от предыдущих работ Г. Вуда тем, что это не исследовательская монография, а обобщающий труд, и к тому же не отдельно задуманный, а представляющий собой второй том 8-томной «Оксфордской истории Соединенных Штатов» («The Oxford History of the United States»). Такие обширные сочинения тоже нужны: читателям, да и самим историкам помимо специальных исследований узких, пусть и важных тем нужны качественные обобщающие труды, написанные специалистами и суммирующие всё то, что достигнуто в исторической науке (со времени написания предыдущего обобщающего труда) не только самим автором, но и его коллегами. Оксфордский 8-томник в основном выстроен по хронологической схеме: с 1763 по 2000 г. Правда, за книгой Джеймса Макферсона «Боевой клич свободы. Эра Гражданской войны» следует сразу книга Дэвида М. Кеннеди «Свобода от страха. Американский народ в эпоху депрессии и войны, 1929–1945 гг.», то есть примерно полвека американской истории (и важнейшие!) оксфордским обстоятельным обзором пока не охвачены. А последний, 8-й том — за авторством Джорджа Херринга, «От колонии к сверхдержаве. Внешняя политика США с 1776 г.» — как видим, не продолжает хронологический ряд, а посвящен специальному аспекту американской истории.

Когда автор серии исследовательских монографий, взаимно близких по тематике, предпринимает обобщающий труд по более широкой теме, то в каких-то частях своего текста он резюмирует свои прежние достижения, представленные в монографиях и исследовательских статьях, в других резюмирует сделанное другими, в третьих же излагает свои собственные изыскания, выполненные специально в связи с работой над этой темой.

---

8 *Wood G.S.* The Radicalism of the American Revolution. N.Y., 1992. P. 5.

9 *Вуд Г.* Радикализм Американской революции // Американский ежегодник — 1994. М., 1995. С. 9–26.

Книга Г. Вуда состоит из введения (озаглавленного «Америка Рип Ван Винкля») и 19 глав. Заключения нет, однако его функции в какой-то мере выполняет последняя, 19-я глава: «Обособленный американский мирок» (A World Within Themselves), где речь идет о том, как особенности США — по сравнению с континентальной Европой и Англией — постепенно сформировали американскую идентичность.

Переводя названия глав, я буду исходить не столько из буквального смысла заголовков, сколько из содержания этих глав.

Глава 1 — «Республиканский эксперимент» (Experiment in Republicanism) — в основном резюмирует обе главные монографии Г. Вуда: «Creation» и «Radicalism».

Глава 2 носит несколько парадоксальное название «Монархическая республика» (A monarchical republic). Вуд утверждает, что «президентство было новой должностью для американцев» (с. 72) — хотя не так просто понять, чем эта должность так уж принципиально отличалась от губернаторской, существовавшей до революции почти всегда и почти в каждой колонии. В главе очень много и подробно говорится о статусе Джорджа Вашингтона, о том, как создаваемое президентство обставлялось церемониально. Когда первый президент США появлялся на публике, оркестры, бывало, исполняли «Боже, храни короля» (с. 77). Вуд показывает, что Джордж Вашингтон воспринимался американцами как выборный монарх: высказывались даже сожаления, что у него не было сыновей.

В главе 3 — «Программа федералистов» (The Federalist Program) — подробно охарактеризован реформаторский план Александра Гамильтона. Гамильтон считал, что секрет экономического процветания и быстрого промышленного развития Англии — фундированный долг (долгосрочные государственные бумаги) в сочетании с банковской системой и рынком ценных бумаг (с. 93). Но Гамильтон был уверен, что в США этот успех недостижим, пока не удастся обуздать «эксцессы демократии». А чтобы обуздать их, нужна новая социальная иерархия. «Общество Цинцинната» должно было положить начало процессу ее формирования. Этот и другие федералистские планы Вуд считает «анахроничными» (с. 110). По сравнению с тем, как Вуд описывал федерализм в «Creation», добавлено немало сведений о федералистских планах регулярного заселения Запада. Земельная политика федералистов, которая, как известно, предусматривала продажу западных земель большими участками дорого, а не мелкими наделами дешево или даже в кредит, рассматривается в книге именно в контексте этих федералистских планов.

Глава 4 — «Возникновение партии джефферсоновских республиканцев» (The Emergence of the Jeffersonian Republican Party) — суммирует прежние исследования Вуда в более лапидарном и ясном виде. Как известно, эта политическая партия, находившаяся в оппозиции федералистам А. Гамильтона, возникла в 1792 г., когда к оппозиционерам присоединился «отец Конституции»

Джеймс Мэдисон, прежде сам бывший федералистом. Вуд так определяет мотивы этого политического поворота Мэдисона: «Несомненно, его национализм никогда не был таким сильным, как у Гамильтона, и, несомненно, как только он почувствовал, насколько Север привержен гамильтоновской системе банков и кредита, его лояльность Виргинии стала более интенсивной. Но самым главным в этой перемене точки зрения стало растущее понимание, что то новое национальное правительство, которое создавали Гамильтон и федералисты, нисколько не напоминало то государство — третейского судью, которое он [Мэдисон] предполагал в 1787 г. Они [федералисты] создавали не посредника, подобного судье, а современное государство европейского типа, с квалифицированной бюрократией, постоянной армией, постоянными долгами и сильной независимой исполнительной властью — очень похожей на монархическую, — то есть государство, очень похожее на то — склонное к развязыванию войн, — против которого радикальные виги в Англии предостерегали на протяжении поколений» (с. 148–149).

В главе 5 — «Какое влияние события Французской революции оказали на Америку» (The French Revolution in America) — Г. Вуд в подробности внутренней политики французских политических режимов не входит. Речь идет только о том, каким образом французские политические катаклизмы были поняты (или не поняты) в Америке, и какое влияние на развитие (и радикализацию) политических процессов они оказали. Вуд прекрасно понимает различия между политическими культурами двух стран[10]. Он показывает, что сходство фигур политической риторики, использовавшихся якобинцами с одной стороны и демократическими республиканцами с другой, ни в малой мере не свидетельствовало ни о каком родстве этих политических сил. Но, разумеется, федералисты могли использовать и использовали это сходство, чтобы эксцессами якобинского террора скомпрометировать своих политических противников в США.

Глава 6 — «Джон Адамс и проблема власти “немногих” и “многих”» (John Adams, the Few and the Many) — посвящена политической философии и практической политике второго президента США. Именно Джон Адамс в феврале 1799 г. положил конец «военной тревоге» — тому кризису в отношениях с Францией, с которым связаны были последние надежды Гамильтона на сохранение власти федералистов. Этим событиям посвящена глава 7 — «Кризис 1798–1799 гг.». По мнению Г. Вуда, «за исключением эры Гражданской войны

[10] Американский Билль о правах 1791 г. — в отличие от французской Декларации 1789 г. — не создавал новую законодательную норму, а скорее ограничивал действие других — тех, что давали какие-то полномочия властям. Билль о правах не претендовал ни на какое всемирное значение: он опирался исключительно на англо-американскую традицию. Он даже не изобретал никаких новых прав, а лишь подтверждал те свободы, коими обладали британские подданные на основании общего права. Французская Декларация стала основой новой политико-правовой системы. Американский — лишь налагал ограничения на действия тех властей, которые на момент его принятия уже существовали (с. 71–72).

последние семь лет XVIII столетия были наиболее политически конфликтными в истории США» (с. 209)[11], а указанные в заголовке годы были пиком того конфликта. В этой главе Г. Вуд подробно и нелицеприятно прослеживает, как республиканские газеты разжигали страсти и мешали выработке здравой и рациональной политики. В основе этого текста — его давняя, но очень яркая статья[12]. Джон Адамс, как его понимает Г. Вуд — приверженец, но и могильщик американского федерализма 1790-х гг. Федерализм был масштабной и дальновидной, но не отвечающей национальной специфике США политической программой. Адамс отличался от Гамильтона, с одной стороны, узостью взглядов и замыслов, но с другой — трезвостью и политическим реализмом. Благодаря тому и другому Адамс гораздо точнее Гамильтона оценивал пределы возможного в политике, и потому в 1800–1801 гг. он предпочел мирную передачу власти демократическим республиканцам, когда Гамильтон строил героические и авантюрные планы, стремясь предотвратить неизбежное.

Собственно же президентским выборам 1800 г., которые привели к мирному отстранению федералистов от власти, посвящена глава 8 — «“Джефферсоновская революция” 1800 г.» (The Jeffersonian Revolution of 1800). В целом она резюмирует соответствующие разделы «Радикализма», однако в нее Вуд, описывая сложные изменения в политической культуре США, внес множество уточнений.

Глава 9 — «Республиканское общество» (Republican Society) — открывает серию глав, описывающих и анализирующих перемены, произошедшие в США в правление джефферсоновских республиканцев. В главе речь идет о переменах безотрадных. Джентльмены как человеческий тип исчезают. Американцы перестают стесняться жажды наживы. Политика демократизировалась — в том смысле, что магистраты вынуждены угождать настроениям своих избирателей даже в ущерб интересам страны.

Хотя выражение «ирония истории», которое обычно приписывается Гегелю, в тексте монографии, кажется, не встречается ни разу, именно оно могло бы выразить ключевую идею всей монографии Г. Вуда. Но к главам, относящимся к периоду 1801–1815 гг., оно применимо в первую очередь! Ведь федералисты, наблюдая Америку, какой она стала в 1815 г., могли сказать: вся беда в том, что им, федералистам, не дали осуществить необходимые реформы. Джефферсоновские республиканцы этого сказать не могли: именно в их руках находилась в те годы власть. Однако то, что получилось, оказалось далеким от обещаний и идеалов даже и джефферсоновских республиканцев.

Чтобы читатель мог наглядно представить личности, поведение и деятельность типичных джефферсоновских республиканцев, Г. Вуд подробно пред-

[11] Впрочем, более раннее (1794 г.) «восстание из-за виски» Г. Вуд отмечает как наиболее серьезную попытку вооруженного сопротивления властям за весь период 1788–1860 гг. (с. 134).

[12] *Wood G.S.* The Democratization of Mind in the American Revolution // Leadership in the American Revolution. Papers presented at the 3rd symposium. May 9 and 10, 1974. Washington: Library of Congress, 1974. P. 63–89.

ставляет нескольких персонажей, подзабытых ныне, но знаменитых тогда: это Уильям Финдли из Пенсильвании, Джедедайя Пекк из Нью-Йорка, Мэтью Лайон из Вермонта (с. 217). На взгляд федералистов, такие люди — простолюдины, разбогатевшие или стремительно сделавшие карьеру,— вообще не должны были быть политическими лидерами: у них не было образования, они были плохо воспитаны, а то обстоятельство, что происходили они из бедных семей, вынуждало их думать в первую очередь о своем благосостоянии, а не об общем благе, как то подобало политикам... Правда, на Юге джефферсоновские республиканцы — рабовладельцы — от этих недостатков были свободны. «Но лидеры республиканцев — Мэдисон и Джефферсон — фактически никогда не понимали характера тех демократических и эгалитарных сил, которые они и их южные собратья развязали на Севере» (с. 234). Лично Джефферсон «ненавидел всепоглощающее делание денег, непомерно размножившиеся банки и вообще либерально-капиталистический мир, который возник в северных штатах. Но никто в Америке не сделал больше, чем он, чтобы вызвать этот мир к жизни» (с. 277–278). Были и другие непредвиденные перемены. Будучи в оппозиции, джефферсоновские республиканцы хотели, чтобы федеральное правительство стало «незначительным» (с. 291). Однако, став партией власти, они не зашли в демонтаже федеральных институтов власти так далеко, как обещали. Выборы 1800 г. изменили и менталитет федералистов. Раньше федералисты были принципиальными противниками разделения граждан на политические партии и считали, что их оппоненты — это партия, а они — не партия, а люди государства. После 1800 г. они считали себя партией принципа, тогда как джефферсоновцев — «фракцией», члены которой преследуют прежде всего (или даже только) эгоистические интересы. По классической аристотелевской схеме, в которую многие федералисты верили, демократия должна была выродиться в анархию и привести к диктатуре и деспотизму. Но к 1815 г. даже самые ретивые федералисты убедились, что дело к тому не идет. Демократия обернулась оргией приобретательства и потребительства (с. 322), но как политический строй отнюдь не исчезла.

Г. Вуд, посвятивший изучению наследия отцов-основателей США многие годы, настаивает: на борьбу и вообще на политическую деятельность отцов-основателей вдохновляли идеалы, т.е. видение лучшего будущего Америки. Изменения, произошедшие после завоевания независимости и великой политической реформы 1787 г., оказались действительно грандиозными, но в основном не теми, о которых они мечтали. Отцы-основатели хотели, чтобы Америка, отделившись от Британии, выработала свою особую национальную идентичность. Это пожелание сбылось, можно сказать, с избытком. Но они мечтали, чтобы новая американская нация воплотила в жизнь широкие и терпимые принципы Просвещения, — чтобы, не претендуя ни на какую национальную исключительность, американцы создали свободное и при этом упорядоченное общество, способное выработать высокую культуру, о которой европейские

интеллектуалы грезили со времен греков и римлян (с. 3–4). «Американцы верили, что институтом, который в наибольшей степени воплотил космополитические идеалы братства, было франкмасонство» (с. 50). Из лидеров революции к масонству принадлежали Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин, Сэмюэл Адамс, Джеймс Отис, Ричард Генри Ли, Александр Гамильтон. Для оценки такого сложного явления, как масонство, ссылки на «космополитические идеалы братства», разумеется, никак не достаточно. Однако невозможно сомневаться, что многих масонство привлекало именно ими.

Фактически же к 1815 г. многие идеалы Просвещения в Америке были забыты или «популяризированы» до полной неузнаваемости. О демократии, о равенстве как о принципах больше не спорили: американцам представлялось, что то и другое превратилось в бесспорные нормы, которым все следовали. Все знали, что не удалось ни покончить с рабством, ни обеспечить права индейцев, но американцев это не смущало. Дело было в том, что для американцев смысл идеи равенства всегда был узким: люди равны по рождению и в своих правах, но неравны по способностям и по характерам (с. 21). Никогда не сомневались американцы и в существовании весомой разницы между джентльменами и commoners — людьми незнатного происхождения (с. 22).

О том, чтобы Америка стала «второй колыбелью» западной культуры, американцы после войны 1812–1815 гг. уже даже не мечтали. В Америке сформировалось «общество торгашеское и популистское» (“popular commercial society”) (с. 4). В связи со внешнеполитическим итогами англо-американской войны 1812–1815 гг. американцы уверились, что их республика[13] стала наконец фактически независимой и ей больше не угрожает взаимная вражда государств Европы, от которой они (а особенно их трансатлантическая торговля) испытывали неприятности на протяжении 20 лет. На почве такого сознания стал процветать бранчливый, провоцирующий конфликты национализм. Своему дистанцированию от европейских дел американцы придавали всё более вызывающий характер. Довольные, что в распоряжении у них находится почти целый континент, американцы были полны решимости реализовать связанные с этим возможности (с. 4). Отсюда — популярность «Американской системы», предложенной Генри Клеем в 1824 г., и влияние вигской партии на протяжении последующих 30 лет.

Ни один историк ранней Республики не может игнорировать грозную перспективу гражданской войны. И Вуд показывает, как глубокие перемены, происходившие во всех частях страны, привели к значительному усугублению различий, и ранее существовавших между разными ее территориальными частями. Для США тогда была весьма реальной угроза, что Вермонт отойдет к Англии (Канаде), а Запад — к Испании (с. 112–114).

[13] Надо иметь в виду, что почти весь остальной мир составляли монархии. Республики помимо США — это тогда только Нидерланды, кантоны Швейцарии и итальянские города-государства (Венеция и др.)

Глава 10 — «Джефферсоновский Запад» (The Jeffersonian West) — посвящена той «секции» американского Союза штатов, которая территориально наиболее ощутимо росла на протяжении всей первой половины XIX в. — «Александр Гамильтон всегда смотрел на восток, на Европу. Наоборот, Джефферсон всегда смотрел на Запад, на территории за Аппалачами и даже за Миссисипи» (с. 357). Вуд весьма подробно описывает историю освоения Запада, анализирует «дух границы», открытый Ф. Дж. Тёрнером, рассматривает заговор Аарона Бэрра в контексте политики и нравов тогдашнего американо-мексиканского пограничья. Но акцент он делает не на этих в целом известных фактах, а на различиях между Западом с одной стороны и Севером и Югом — с другой. Вуд показывает, что, если сравнивать секции, то Запад для США того времени выглядел в некоторых важных отношениях какой-то аномалией. Отвечая на вопрос: чем Запад привлекал поселенцев из старых штатов, Г. Вуд констатирует: доступность земли в Америке многие использовали для того чтобы какое-то время (пока в данную местность не прибыли другие многочисленные поселенцы) пожить вне традиционных социальных иерархий, не платя налогов и обороняясь от индейцев самостоятельно или с помощью только ближайших соседей. Некоторые наблюдатели, как Джордж Клаймер из Пенсильвании, ставили вопрос: есть ли на Западе общество как таковое, коль скоро там нет никаких объединений ради «общего блага» в каком бы то ни было аспекте (с. 318). Но постепенно, строго по мере необходимости, все эти формы общественной жизни возникали и укоренялись. В «старых» штатах кому-то могло показаться, будто пожарные команды или общества трезвости «насаждаются» властями. На Западе они были вне подозрений.

Если на Западе еще можно было «отдохнуть от цивилизации», пожить в условиях почти натурального (или патриархального) хозяйства, то в старых штатах нарастали противоречия между цивилизациями Севера и Юга. В 1815 г. подавляющее большинство американцев оставались фермерами, жившими в сельской местности. Но на Севере они уже стали одним из самых коммерциализированных народов мира. Они продавали и покупали — торговали не только с остальным миром, но и между собой. «Нигде в западном мире бизнес и работа ради прибыли не восхвалялись так и не пользовались большим почетом» (с. 2).

Что собой представляло фермерство Новой Англии? Отвечая на этот вопрос, Г. Вуд резюмирует недавние дискуссии между историками и опирается на результаты недавно выполненных исследований. «Некоторые предполагали, что многие фермеры XVIII века... вели хозяйство семейного типа, стремясь не к наибольшей доходности, но лишь к удовлетворению нужд своей семьи... Земля же им была нужна не для увеличения своего личного богатства, но лишь для того, чтобы обеспечить семьи своих детей. Главы семейных хозяйств работали не на отдаленные рынки, но лишь производили продукты для собственного потребления или для обмена с соседями». В частности, это предполагал Джеймс Хенретта (Henretta). Другие же были уверены, что фермеры,

по крайней мере от случая к случаю, продавали «излишки» на рынках за пределами местностей по соседству — табак в Великобританию, зерно в Европу, мебель в Вест-Индию. Сам Вуд, чтобы оценить, в какой степени рыночный характер имела экономика Новой Англии в начале и в конце рассматриваемого периода, обращается к трудам современной исследовательницы Винифред Барр Ротенберг (W. B. Rothenberg). И получается, что вторая точка зрения была ближе к истине, однако нельзя утверждать, будто фермеры Новой Англии тогда уже были вовлечены в «подлинно рыночную экономику» (a true market economy). «Только когда рынок оказывается отделенным от политических, социальных и культурных систем, сдерживающих его, и когда он сам становится действующим агентом процесса обмена; только когда большинство людей, составляющих общество, вовлекаются в процессы купли и продажи и начинают думать об улучшении своего экономического положения, — только тогда американцы начинают входить в рыночную экономику». Вуд констатирует: исследования В. Б. Ротенберг, выполненные на материалах сохранившихся приходо-расходных книг, описей имущества, налоговых ведомостей, показывают, что описанная перемена имела место в Новой Англии именно в том хронологическом промежутке, который вынесен в заголовок его книги. Вуд соглашается с утверждением В. Б. Ротенберг, что «подлинная (authentic) рыночная экономика существует тогда и только тогда, когда продавцы и покупатели находятся в отношениях такого свободного обмена, что в пределах региона цены на одни и те же продукты начинают выравниваться». То есть когда цены зависят уже не от обычая и не от властей, которые пытаются их регулировать, а от «безличного рыночного обмена» (с. 322–324)[14].

«Северный» культ деловой активности делал праздную рабовладельческую аристократию соседнего Юга всё большей и большей аномалией (с. 2). Рабство в это время подвергалось всеобщему осуждению. Это не мешало ему процветать, но только на Юге. Исчезнув на Севере, рабство еще глубже «окопалось» на Юге и укоренилось там социально, культурно, политически. Юг начал рассматривать себя как «осажденное» меньшинство — аристократичное и сдержанное посреди суетливой и суматошной нации (с. 3).

При всем старании Г. Вуда сохранять беспристрастие видно, что федералистам он симпатизирует больше, чем джефферсоновским республиканцам. Он считает, что США как гигантская полития[15] — объединение людей, живущих

[14] Вуд в этой связи ссылается на работу: *Rothenberg W.B.* From Market-places to a Market Economy: The Transformation of Rural Massachusetts. 1750–1850. Chicago, 1992. P. 101, 124, 220, 243.

[15] В текстах того времени слово government очень часто употребляется именно в указанном значении. М.А. Шерешевская пыталась перевести его словом «правление». Однако слишком узкими будут даже смыслы слов «правительство» и «государство»: они не предполагают в качестве необходимого компонента *народ*, живущий на территории и под властью государства. Подзабытое аристотелевское слово следует вновь ввести в активный оборот.

на определенной территории под властью единого правительства — состоялись. Долговечность Конституции США, которая действовала и во время Гражданской войны, и продолжает действовать теперь, Вуд не считает возможным объяснить одной только гениальностью ее творцов, в том числе Джеймса Мэдисона. Документы Конституционного Конвента 1787 г. зафиксировали, что Мэдисон предлагал не совсем такую конституцию, какая в итоге была принята. Неспособность же Джефферсона и Мэдисона предвидеть сколько-нибудь отдаленные последствия политики республиканцев очевидны. (Глава 13 — «Реформы республиканцев» (Republican Reforms) — посвящена не столько законодательным инициативам джефферсоновских республиканцев, сколько тем грандиозным переменам, которые произошли в период пребывания джефферсоновцев у власти, не будучи инициированы федеральной властью ни напрямую, ни даже косвенно.) Поэтому успех американского политического эксперимента Г. Вуд объясняет не только реформами джефферсоновских республиканцев, но и тем сопротивлением, которое им оказали федералисты.

Это сопротивление — тема главы 11 — «Закон и независимая судебная власть» (Law and Independent Judiciary), которую Г. Вуд написал специально для «Империи свободы». Г. Вуд уверен, что многие преобразования, осуществленные джефферсоновскими республиканцами, были для США вредны и даже опасны, но что судебная власть, которая благодаря пожизненному назначению судей осталась федералистской, много сделала для смягчения этих пагубных последствий или даже свела их на нет. Такая коллизия имела место не только на федеральном уровне, но и в отдельных штатах. Вуд начинает рассмотрение ее именно с уровня штатов. В этой связи особенно подробно Вуд говорит о ситуации и событиях в Пенсильвании, где в 1808–1817 гг. губернатором был яркий «демагог» — этнический немец Саймон (Симон) Снайдер. Рискнем предположить, что стимулом, побудившим Г. Вуда досконально исследовать проблемы истории американской юриспруденции, послужили и текущие политические события, особенно эпопея с ложными показаниями Билла Клинтона под присягой и попыткой его импичмента в этой связи. Заметно, во всяком случае, что для Г. Вуда, как и для Джона Маршалла, закон — это не просто свод позитивных норм, сложившихся в некую систему исторически и доставшихся от предков, которым хочешь — не хочешь обязаны следовать как власти, так и народ, — но проявление Божьего или естественного закона, такого справедливого и разумного, что всякое действие государства, противоречащее ему, иногда поздно, но чаще рано оказывается пагубным для самого же государства.

Глава 12 — «Главный судья Джон Маршалл и происхождение права судов на конституционный контроль» (Chief Justice John Marshall and the Origins of Judicial Review)[16] — продолжает ту же тему, но применительно к федеральному

[16] Речь в главе идет о том, как американские суды закрепили за собой право, вынося решение по делу, судить о соответствии применяемого закона Конституции США, а в случае несоответствия закона Конституции — отказываться применять этот закон. В литературе на русском языке это называется осуществлением конституционного контроля.

уровню. Г. Вуд утверждает: независимая судебная власть в США появилась только по Конституции 1787 г., раньше ее не было. Важной вехой в превращении ее в равноправную ветвь власти Вуд считает провал попытки импичмента судьи-федералиста Сэмюэла Чейза. Хотя джефферсоновские республиканцы контролировали Сенат, при финальном голосовании 1 марта 1805 г. Чейз был оправдан и оставался членом Верховного Суда США до самой своей кончины в 1811 г. «Ни один сенатор не проголосовал за статью, обвиняющую Чейза в процедурных ошибках в ходе одного из процессов, который он вел. Многие республиканские сенаторы, как ни ненавидели Чейза, не хотели обвинять его в действиях, которые не были запрещены каким-либо ясным, текстуально оформленным законом» (с. 424).

Чтобы сделать судебную власть третьей независимой ветвью, идея фундаментального писаного закона (Конституции) важна и нужна, но недостаточна. Должен был прибавиться еще какой-то фактор. Вуд доказывает, что судебная власть смогла стать равноправным партнером законодательной и судебной благодаря «особенной, только для американцев характерной концепции представительства, то есть тому необычному способу, каким американский народ воплотился в органах власти» (с. 450). Ход мысли Вуда таков. Изменив свое государственное устройство в 1787–1790 гг., т.е. отменив Статьи Конфедерации[17] и введя Конституцию, американцы перестали видеть в своих представителях таких лиц, которым они вручают право осуществлять от имени народа любые действия. По Конституции США, конгрессмены, сенаторы, прочие выборные представители и даже президент США представляют народ *только* в тех строго определенных Конституцией *аспектах*, которые входят в компетенцию соответствующих органов власти. В прочих же аспектах власть не вправе делать ничего, даже если большинство в палатах Конгресса очень захочет. (Например, Конгресс по Конституции был не вправе отменять рабство в США: оно было отменено только через принятие XIII поправки к Конституции в 1865 г. Или Конгресс был не вправе придать какой-либо религии статус государственной в США.) Благодаря этим заложенным в Конституции ограничениям она охраняет права меньшинств — речь шла тогда о меньшинствах религиозных, этнических, социальных, политических. Во времена Джефферсона Верховный Суд, где преобладали федералисты, использовал все возможности, какие у него были, чтобы защитить интересы как федералистского меньшинства, так и других меньшинств. «Это стало главным инструментом как для обуздания демократии, так и для поддержки ее» (с. 468).

Глава 14 — «Между рабством и свободой» — посвящена главному фактору грядущего раскола США в 1860–1861 гг. и Гражданской войны. Глава содер-

[17] Американскую Конфедерацию 1776–1787 гг. Вуд считает очень похожей на Евросоюз наших дней (с. 7). В связи с этим он напоминает, что Статьи Конфедерации были договором, и потому в названии Соединенные Штаты Америки слово «штаты» имело буквальное значение множественного числа (не «государство», а «государства»), которое в наше время утрачено (с. 7).

жит доскональное описание рабства и его модификаций по штатам и по периодам, а в связи с особенностями рабства в Луизиане — и сравнение с рабством, существовавшим в испанских и французских владениях[18]. Г. Вуд показывает, как чуть было не исчезнувший в период Войны за независимость «особый институт» смог выжить, укрепиться и превратиться в нечто грозное и труднопреодолимое. Параллельно Вуд описывает и изменения, происходившие с движением противников рабства (Anti-Slavery Movement), которое он, разумеется, не называет аболиционистским. (Аболиционизмом в США называют не стремление к отмене рабства как таковое, а только требование отменить рабство немедленно и невзирая на законодательную защиту рабства Конституцией США до принятия XIII поправки в 1865 г.)

Менее значимым аспектам эволюции ранней республики посвящены две следующие главы. Глава 15 — «Растущая слава Америки» (The Rising Glory of America) — содержит сводку наиболее выразительных проявлений этой идеи в самосознании американцев и — шире — в культуре того времени. Глава 16 — «Республиканская религия» (Republican Religion) — показывает исключительно сложное взаимодействие политических сил с религиозными объединениями: взаимосвязь «джефферсоновской революции» с религиозными «пробуждениями», частыми тогда на западных территориях. Сам Джефферсон — вольнодумец, всю жизнь формально принадлежавший к Епископальной церкви, — был предельно далек от фанатичной и буквальной веры в каждую букву библейских текстов. Но те, кто поддерживал его в политике, часто были баптистами или даже приверженцами харизматических сект, и для них было характерно именно такое отношение к Библии.

Главы 17 — «Республиканская дипломатия» и 18 — «Война 1812 г.» содержат мало новых сведений и наблюдений. Механизм вовлечения США в войну с Великобританией в 1812 г. был чрезвычайно сложен, и даже простое описание этого механизма потребовало бы обширных экскурсов в дипломатическую историю Европы, что вряд ли могло вписаться в формат «Оксфордской истории». Вуд всегда склонен выделять в исторических событиях архаичную и с трудом нам понятную сторону. Он даже называет такое направление деятельности историков «открытием потерянных миров». В связи с делами внешнеполитическими Вуд обращает внимание читателя на то, что Джефферсон и Мэдисон по сравнению с другими лидерами революции были больше склонны верить, будто американская торговля в силу своей нейтральности и масштабности способна вызвать в международных отношениях кардинальные перемены. А именно: заменить торговыми санкциями применение военной силы (с. 192).

[18] «Франко-испанское рабство отличалось от англо-американского. Освобождение раба хозяином (manumission) и осуществление права раба на выкуп себя были доступнее. К негодованию многих белых американцев, в 1804–1806 гг. около 200 рабов на территории Орлеан (тогдашнее название Луизианы. — *С.И.*) выкупились на волю. К 1810 г. свободные негры составляли около 20 % населения города Новый Орлеан» (с. 373).

То обстоятельство, что изучаемый Г. Вудом политический процесс развивался в стране весьма грамотной, причем уровень образования политической элиты был весьма высок, ни в коей мере не склоняет Г. Вуда принимать буквально все те заявления о политических намерениях и принципах, которые американские политики высказывали публично, в узком кругу, в частной переписке или даже в дневниках. Для него бесспорно, что сколько-нибудь дальновидная политика требует осмысленности и словесного выражения. Но из этого никак не следует автоматически, будто эти заявления были качественной аналитикой. Подтекст, глубинный смысл событий всё равно открываются историкам только спустя века.

Охваченный анализом Гордона Вуда отрезок американской истории настолько значим в масштабе истории мировой, что в этой книге и тематически примыкающих к ней текстах Вуда не мог не проявиться его общий взгляд на всемирную историю.

Я думаю, что его можно суммировать следующим образом. Никакого фатума в том, что Америка стала мировой державой, Гордон Вуд не видит. Не будучи фаталистом, Вуд и не рационалист: не верит он ни в сверхъестественную проницательность, ни в мессианские качества отцов-основателей США. Америка стала такой, какой она стала, в результате сложного взаимодействия социальных и политических сил, в том числе и борьбы отцов-основателей между собой, а после поражения федералистов в этой борьбе — в результате как реформ джефферсоновских республиканцев, так и разнообразного, часто юридически фундированного, квалифицированного противодействия этим реформам. Та социально-политическая модель, в рамках которой развивалось это противоборство, жили, трудились и воевали американцы, по прошествии десятилетий и веков оказалась более жизнеспособной и успешной, чем многие другие модели в других странах с другими народами. Произошел своего рода естественный отбор. Американцы — не избранный народ, а народ, которому пока что везет. Никто на самом деле не знает, почему, и никто не скажет, насколько надолго. Но дело историка — присмотреться к историческому опыту народа-«везунчика», не позволяя, чтобы схемы и идеологемы морочили голову самому историку или его читателям.

В высокопрофессиональном тексте, над которым автор работал много лет, мало-мальски значимые неточности практически исключены. Отметим одну, косвенно связанную с Россией. В книге воспроизведена картина Джона Льюиса Криммела (Krimmel) «Негритянское молитвенное собрание» (1811–1813)[19]. Г. Вуд задается вопросом, реалистическое ли это изображение или карикатура. Высказывая аргумент в пользу предположения, что это реалистическое изображение, Вуд ссылается на то обстоятельство, что один российский дипломат собирал копии рисунков Криммела, чтобы иллюстрировать ими свои путевые за-

[19] Картина воспроизведена на вклейке между страницами 458 и 459. Местонахождение оригинала: The Metropolitan Museum of Art. Rogers Fund. 1942 (42.95.19).

писки. Вуд цитирует и соответствующее место записок, которое мы далее даем в обратном переводе с английского. Участники моления «прыгали и раскачивались во все стороны, бросались на землю и бились оземь руками и ногами, скрежетали зубами — всё это чтобы показать, что злой дух выходит из них». Так вот: этого русского дипломата Вуд называет просто «Павел» (Pavel). Имеется в виду Павел Петрович Свиньин (1787–1839). Как для русских эта фамилия неблагозвучна, так, очевидно, для американца трудна.

Полезно ли было бы перевести «Империю свободы» на русский язык? Я считаю, что книгу Гордона Вуда смогут понять и оценить только специалисты, которые прочтут ее на языке оригинала. Переводить ее на русский язык не нужно. Хотя текст книги доступен в Интернете, книгу всё же желательно иметь в научных библиотеках России, включая университетские. На русский язык гораздо полезнее было бы перевести первую большую исследовательскую монографию Г. Вуда — «The Creation», а также интереснейшую статью 1982 г. о конспирологическом менталитете[20], в которой весьма убедительно показана причинная связь между страхом перед заговорами темных сил (и склонностью объяснять такими заговорами любые неприятности) — и рационалистическими тенденциями идеологии Просвещения.

[20] *Wood G.S.* Conspiracy and the Paranoid Style: Causality and Deceit in the 18th Century // William and Mary Quarterly. 3rd Ser. 1982. Vol. XXXIX. No. 3. July. P. 401–440.